

Олег РЯБОВ

Рассказы

ЛИЗА РЕШИЛАСЬ

У подъезда стоял странный мальчик лет десяти в светлых шортах, синенькой футболке и бейсболке без козырька. Он старательно вычищал у себя в носу пальцем и вытирал обнаруженное там содержимое о стену дома.

– Это кто такой? – спросил Криворотов у своего друга Миши Жмуркина, к которому он отправлялся ополоснуться под душем ввиду сезонного профилактического отключения горячей воды в его районе.

– Мой новый сосед, Колей его зовут. Солнечный ребенок, не такой, как все. Но добрый! Не обращай внимания. Что ты встал? Пойдем. Ты же хотел помыться под душем. Лизы нет, стесняться некого, и, может, она вообще уже никогда не вернется.

– Что же вы так разругались? Вроде все у вас было хорошо, по-доброму?

– Пойдем в дом, там поговорим.

На кухне Криворотов выгрузил из пакета на стол шесть банок чешского пива и обрезки какой-то соленой рыбы, упакованной в вакуумный полиэтилен.

– Пиво сейчас будем пить? Или сначала под душ? – спросил Михаил.

– Сначала в душ!

Сидели на кухне у открытого окна и пили пиво. Майский день кончался, воздух был наполнен дыханием молодой листвы и свежестью. Воробьи еще не умолкли и пусть лениво, но пока еще продолжали по-вечернему чирикать.

Олег Алексеевич Рябов российский прозаик и поэт. Родился в 1948 году. Окончил Горьковский политехнический институт им. А.А. Жданова. Автор многих книг и участник нескольких поэтических антологий. Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Север», «Всерусский собор», «Молодая гвардия», «Родина», «Сельская молодежь», «Кириллица», «Невский альманах» и других. Первая книга, повесть о войне, «Письма отца» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли около двадцати книг стихов и прозы. Участник антологий «Русская поэзия. XXI век», «Молитвы русских поэтов. XX–XXI», «Антология военной поэзии».

Лауреат ряда всероссийских литературных премий. Награжден медалью Пушкина.

Живет и работает в Нижнем Новгороде.

– Жизнь удалась, – философски обронил Криворотов.

– В смысле?

– А в том смысле, что сижу с другом, под душем ополоснулся, пиво пьем, воробьи чирикают.

– Ну если так, то, конечно, удалась.

– А ты так не считаешь? Так что у вас с Лизой-то случилось?

– Случилось! Вот знаешь, как это у отличников бывает, которым все надо на пятерку сделать? А моя Лиза как раз отличница: школу с медалью закончила. То есть теперь, наверное, уже и не моя. Несколько лет назад решила она закончить курсы экскурсоводов, экскурсоводом захотелось стать. Закончила. А параллельно она, по-моему, еще стала и доктором краеведческих наук: так она изучила историю нашего города и всей области. И в университете профессора всякие не знают про наш город всего того, что она знает. Она даже знает, где стоял дом, в котором жил Александр Дюма, когда приезжал к нам в Нижний. В общем, стала она лучшим экскурсоводом и очень возгордилась этим. Как только какая-то важная делегация или гости какие-то – так ее и просят поработать, показать город. А три дня назад говорит она мне, что везет экскурсию в Дивеево – попросили ее. Придумали там, наверху, какой-то семинар провести у нас в Нижнем Новгороде для капитанов дальнего плавания. Съехались со всей страны. Это все равно что конференцию по белым медведям в Ялте проводить. И вот захотелось этим капитанам в качестве культурной программы скататься в Дивеево, к батюшке Серафиму на поклон. До этого ни разу она никуда не уезжала с экскурсиями – только по городу. Да и зачем? Не из-за денег, конечно! Денег у нас хватает! Говорит мне Лиза про эту ее непонятную поездку, а я ей тут же наотрез и отказал. Подумай: пятнадцать молодых здоровых мужиков и она, и с ночевкой. Я же не железный.

– Да, я бы тоже подумал. Храбрая она женщина!

– Что значит «храбрая»? Смелая, что ли?

– Нет, смелая – это та, которая в горящую избу войдет, а храбрая – это когда венерических заболеваний не боится.

– Вот и я про это. Да чего там думать! Я просто сказал: если поедешь, можешь не возвращаться. А она собралась и поехала. Вчера утром.

Тут послышалось, как открывается входная дверь, и на пороге в кухне образовалась Лиза. Радостная, улыбчивая, красивая, вся в белом: и кроссовки белые, и штанишки короткие, чуть ниже колен, белые, и маечка белая. В руках букет цветов, и с довольно объемным рюкзачком за спиной.

– Ну что, алкаши, помогите уставшей женщине, снимите рюкзак с меня с юбками, кофтами да платками моими паломническими. В монастырь в таких штанишках, как на мне, девушек не пускают. У меня ведь опыт есть. Помню, пять лет назад полетела я в Тегеран; там в аэропорту приземлились, и тетки все вокруг переодеваться стали: натягивают на себя все что можно, закутываются. Соседка моя спрашивает: «Ты что

сидишь, не одеваешься? В таком виде тебя из самолета не выпустят, тут с женщинами строго обходятся». А у меня с собой и нет ничего: в чемодане шесть купальников, три халатика и босоножки на каблуках. Вот тогда моя сердобольная соседка выручила меня: дала на себя что-то натянуть. А уж потом в магазине все, что надо, я и купила. А еще в моем рюкзаке подарок для вас есть, бутылочка виски «Джемисон». И налейте хоть стакан пива мне сразу: все-таки почти триста верст за день отмахала.

Миша застывшим взглядом уперся в Криворотова, не очень хорошо понимая, как себя вести, а тот вдруг вскочил и суетливо стал помогать Лизе.

– Бутылочка «Джемисон», говоришь, есть у тебя?

– Есть-есть! И коробочка конфет. Экскурсанты-капитаны с благодарностью на прощание подарили. А цветы поставь в воду.

И тут неожиданно Лиза вдруг упала на колени перед Жмуркиным и, вскинув руки к потолку, по-бабьи, чуть не со слезами запричитала:

– Прости, Мишенька, меня, дуру старую, глупую. Прости, что не послушала тебя и поехала с мужиками на богомолье. Дозволь с вами за столом посидеть и пива попить. А не простишь, так поеду я куда глаза глядят. Только под душ схожу. Ну что?

– Да простил уже. И пива налил уже.

Лиза залпом выпила стакан пива и отправилась в ванную.

– А это что за бабьи трусы тут у тебя в ванной приютились, Мишенька? Так вот как ты проводишь время без меня. Да большие какие!

Тут уже Криворотов вскочил из-за стола.

– Лизонька, Лизонька! Это я виноват: моя Ирка собирала меня, чтобы под душем у Мишки помыться, да и перепутала что-то: вместо моих трусов свои положила в пакет, а я и не убрал там за собой в ванной. Прости меня.

– Так это Ирки твоей трусы?

– Да.

– Ну тогда ладно. А большие они какие, солидные.

Потом сидели за столом уже втроем, смаковали глоточками виски.

– Ну так я все подробнейшим образом вам теперь докладываю, – начала Лиза, – ехать в Дивеево, конечно, надо, и мы туда вчетвером еще съездим, с Иркой я имею в виду. А вот в компании с двадцатью сорокалетними мужиками, капитанами первого и второго ранга, еще раз – это упаси бог. Они такими атомными и вонючими парфюмами пользуются, что я даже замечание одному сделала. Но все они очень галантные и деликатные кавалеры – вам бы поучиться у них. А по поводу моего положения ты, Мишенька, был прав – только мы приехали в Дивеево и определились с гостиницей, как подходит ко мне наш водитель Гоша, а я его первый раз вижу, и заявляет практически безапелляционно: «После ужина приходи ко мне в номер!» Этот Гоша очень на грузина похож, и росту в нем метр шестьдесят, не больше. Я рассмеялась ему в лицо и говорю: «А ты не охренел, малыш?» Так он мне в ответ говорит, что

все экскурсоводши у него в номере всегда ночуют – это правило такое. Я рассмеялась, а он схватил меня за рукав и держит. Ну тут подошел к нам Алексей Алексеевич, капитан первого ранга, он как бы старшим был у всей нашей делегации, и сунул этому Гоше кулак почти в лицо. А потом несильно ткнул своим кулаком его в глаз, но получилось очень красиво: через полчаса у Гоши весь глаз был синим или даже черным. И строго так он сказал Гоше: «Это наша девушка! Не подходи к ней». Этот Алексей Алексеевич дважды в автономном плавании «обходил вокруг шарика» на своей атомной подводной лодке. Так он мне сказал. Ну вот, пожалуй, и все, что было там интересного. Все монашки и труженицы в Дивеево подозрительно вежливы, даже приторно вежливы, и все подарки друг другу дарят: иконки, просвирки, пузырьки со святой водой. И вообще, все похоже на мультяшечный советский: все прибрано, все вылизано. Но поехать туда еще раз мы вместе должны. Так что, Мишенька, оставишь ты меня у себя или прогонишь? Только учти: просветление у меня внутри какое-то возникло от этой поездки, и решила я рожать, ребеночка я теперь хочу. Мне ведь тридцать пять уже скоро – пора!

– Оставлю, оставлю, мы еще с тобой поговорим. Вот только «Джемисон» допьем и Криворотова проводим.

НА РЫНКЕ

Попадая впервые в новые для себя города, стараюсь непременно побывать в двух их знаковых точках: на кладбище и на базаре. Именно тут я для себя определяю, как живут местные. Если в Стамбуле, как и в Москве, вы на центральном базаре ничего любопытного не увидите: все захвачено приезжими, то в Марракеше и живая рыба прыгает на лотках со льдом, и сотни бочек с солеными оливками выставлены на пробу. Хотя и тут не все однозначно: отдыхая в Болгарии, в маленьком городке на берегу моря, я обошел все торговые ряды и местный рынок в поисках знаменитых персиков, но везде слышал один ответ: «Турецкие!» А на вопрос: «Где же ваши, болгарские?» – мне дали совет поехать на такси в горы, в любую деревню, и там этого добра не выкупишь! Мы с супругой так и сделали: пятнадцать километров, и в маленькой деревушке, в саду, пронизанном насквозь духом переспелых персиков, мы срывали эти дивные нежные плоды с деревьев, и сок стекал по нашим рукам в изобилии.

Что касается кладбищ, то, зайдя на местный погост в городе Горбатове, вы поразитесь огромным старообрядческим надгробьям под чугунными многометровыми шатрами, отлитыми на Урале, а на многих мраморных и гранитных плитах одна и та же фамилия: Смолов, Смоловы, Смоловы. Ну а как же: это прототипы главных героев знаменитого романа Мельникова-Печерского «На горах» Смолокуровых. Они это, они! Да и гуляя по другим кладбищам: по русскому в Париже, или по Новодевичьему, или по Ваганьковскому, или по нашему Бугровскому, – невольно погружаешься в родную историю, видя знакомые имена.

Одно время, пока его не заровняли и не переселили в огромный корпус под названием «Торговые ряды», я любил заходить на наш Средний рынок. Тут на открытых столах под навесами торговли, приехавшие из области, предлагали все, чем богат наш край. Раз, а то и пару раз в месяц я заходил сюда, чтобы купить молодой телятины, или баранью почку, или свежей зелени. При желании, признавая в вас «своего», могли здесь предложить и астраханскую черную икру, и сурскую стерлядь; знаете, что к царскому столу возили именно сурскую стерлядь (у нее брюхо желтое, в отличие от волжской), и ведь довозили живой и до Москвы, и до Питера.

В один из таких заходов на рынок, в майский погожий день, я заметил краем глаза сидящего при входе на пустом деревянном ящике неряшливо одетого человека, который дремал. Не знаю, чем он меня тогда заинтересовал, но я притормозил и внимательно пригляделся. Это был Щепка, Коля Прищепин, мой одноклассник. В школе мы с ним не были особо дружны, и помнил я лучше даже не Николая, а его маму. Вызывающей красоты была женщина: она всегда старательно следила за собой, и внешний вид был ее постоянным козырем. Яркие алые губы, подведенные глаза, высокая прическа, высокие каблуки, горделивая походка, летом – небольшая соболья накидка, зимой – длинная каракулевая шуба; отец Николая был директором лесоторговой базы, и мама всем своим прикидом подчеркивала такое его высокое положение.

Класс наш был не особенно дружен, и мы после окончания школы никогда вместе не собирались, не отмечали ни десятилетие окончания, ни двадцатилетие – кормились сухими сплетнями, встречаясь на улице друг с другом. Откуда-то я знал, что Щепка служит в полиции в звании капитана, но сведения эти были давнишними, пятилетней давности.

Я подошел к сидящему на ящике бедолаге.

– Щепка, это ты? Что-то я тебя сразу-то и не узнал!

Щепка открыл один глаз, потом наполовину приоткрыл второй, это был его персональный номер: разговаривать с одним прищуренным глазом.

– Плохо это, плохо – я вот тебя сразу заметил. Дай на бутылку, пятачку.

Я вынул из бумажника пятьсот рублей и протянул ему. Он сразу же засунул бумажку куда-то внутрь куртки.

– А ты чего к нам на рынок? Прикупиться хочешь?

– Да супруга велела баранины купить, харчо сделать хочет.

– Ты все с Милкой живешь из параллельного класса?

– Да.

– И пацанов у вас двое: Вовка и Сашка?

– Да. Все-то ты знаешь.

– Работа у нас такая: все про всех знать. В мясные ряды пройдешь, найдешь там рубщика Артема, скажешь, что от меня.

Он поудобнее развернулся на своем ящике и снова закрыл глаза.

В крытом павильоне я разыскал рубщика мяса Артема и сказал ему, что я от Щепки. Тот с недоверием посмотрел на меня и спросил:

– А чего тебе надо?

– Полтора килограмма баранины, – ответил я.

– На что?

– Жена харчо будет готовить.

Артем отвернулся, махнул своим огромным топором и, завернув кусок, не взвешивая, протянул его мне.

– А деньги? – спросил я.

– Отдашь Щепе, – махнул рукой Артем.

– А сколько?

– Он знает сколько, – махнул он еще раз.

Я погулял по рынку, купил зелени, свежих огурчиков, сухих фруктов, еще какой-то мелочи и направился на выход. Щепка сидел на своем ящике, открыв глаза и рот, и выслушивал какую-то женщину. Когда я появился на его горизонте, он встал, похлопал ее по плечу и сказал:

– Иди, Маша, если они к тебе еще раз подойдут с этими глупостями, скажи, что Щепка их ждет. Ну что, затарился? – это он уже обратился ко мне.

– Да, все в порядке. Артем велел мне расплатиться с тобой.

– Ты уже расплатился! Пойдем ко мне в кабинет.

Немного разволнованный необычной встречей, я почему-то не смог сразу отказаться, и мы вместе прошли в административный корпус. Показалось мне тогда что-то интригующее и в положении Щепки, и в его поведении.

Кабинет у Щепки ненамного отличался своим видом от своего хозяина. На двери, обитой старым потрескавшимся дерматином, был масляной краской нарисован большой знак вопроса, а небольшую комнатку с одним окошком заполняли однотумбовый ученический письменный стол, старинное купеческое кресло перед ним и продавленный диван с валиками. Стояли еще несколько деревянных ящиков вдоль стены, выполняя роль стульев для гостей, но на них сегодня лежали ватники и рабочие халаты.

Щепка уселся в свое кресло за столом, достал из ящика два стакана и большую квадратную бутылку виски «Джонни Уокер» и спросил:

– Будешь?

– Нет, нет, – отказался я, – меня дома супруга ждет.

– Тогда я сам.

Он налил в стакан на два пальца желтой жидкости из бутылки и с наслаждением выпил, закрыв глаза. Мы с минуту помолчали, и потом я все же спросил:

– Щепка, а поделись со мной – как ты докатился до жизни такой? Ты же вроде в органах служил? И на хорошем счету был?

– Не поверишь – анекдотическая история, будешь потом всем говорить, что я опять тебе что-то наврал. Но я все равно расскажу.

Щепка достал сигареты, и мы оба закурили.

– С год назад наше руководство совместно с челябинскими коллегами разработали операцию по внедрению меня в одну преступную уральскую группировку. Такие операции сложно и разрабатывать, и

осуществлять – очень большой риск. И знают о таких операциях два-три человека, не больше – даже генерал не знает. Было сфабриковано небольшое уголовное дело, по которому я в пьяном виде якобы избил своего коллегу, после чего был уволен из органов по компрометирующим обстоятельствам. Пока готовились на меня новые документы и легенда, в Челябинске накрыли интересовавшую всех банду, и стал я там не нужен. Так вот, на беду мою скоропостижно скончался от сердца и мой подполковник, который готовил меня на внедрение. А второй мой куратор был переведен срочно в Москву, в центральный аппарат. Я звонил ему пару раз – он, зараза, говорит, что не звони мне, а живи пока так, еще, может, и пригодишься. Остался я и без погон, и без надежды на будущее. Хорошо, что у наших местных жуликов был я на добром счету: я же всех их знал и общался – называли они меня «правильный мент». Вот Ваган с Мытного рынка меня сюда и определил с месяц назад, сказал: «Сиди тут – дальше решим, что с тобой делать». Правда, про предполагаемое мое внедрение никто не верит: думают, что я вру. Ну и пусть думают. Так вот я остался и без погон, и без работы, и без друзей, и без врагов. Нет – врагов-то полно, наверное. А у какого опера с пятнадцатилетним стажем врагов нет? Правда, есть еще младший брат Сашка, ты его, может, и помнишь. Он в городской прокуратуре служит, его там очень даже уважают. Нужна будет помощь, квакни – я ему позвоню. Он мне никогда не откажет: знает, что я лишнего не попрошу.

Расстались мы со Щепой по-доброму, он проводил меня до ворот рынка. Половине из того, что он рассказал мне, я, конечно, не поверил: было что-то в его поведении и манере общения подозрительно навязчивое. Зачем он со мной делился своими проблемами? Дома я рассказал всю историю Щепы супруге.

– Интересные у тебя одноклассники! – только и ухмыльнулась она.

Однако продолжение у нашей встречи со Щепой было, и продолжение довольно любопытное. Через пару дней пришла моя супруга с работы вся в растрепанных чувствах – нет, не в слезах, но и губы у нее дрожали, и руки тряслись, когда она уселась на диван. Она поделилась со мной проблемой, которая вдруг на нее свалилась.

Она была хозяйкой довольно известного в городе салона женской красоты: маникюр, педикюр, прически, массажи. Помещение небольшое – пятьсот метров, но в собственности. За последние полгода к ней трижды приходили гонцы с предложением продать помещение – она наотрез отказывалась. И вот заявила целая бригада с комплексной проверкой: и милиция, и пожарные, и налоговая, и санинспекция. Чего они искали – непонятно, только закружились очень быстро, выписав ей два штрафа от пожарной инспекции с предписанием закрыть салон до устранения нарушений; а там было: и сломать какую-то стенку, и сделать дополнительный пожарный выход во двор, и расширить коридор, и еще куча мелочей. Однако два штрафа по шестьсот тысяч рублей были выдвинуты – таких штрафов и автозаводу не выписывают. Это было предупреждением, как намекнули ей работники органов.

Салон закрыт, советов ждать не от кого, несколько дней мы ломаем головы, но ничего дельного туда не приходит. А в субботу я решил прогуляться до Среднего рынка. Щеп сидел на своем ящике при входе. Я подошел к нему – он открыл глаз, приоткрыл второй и произнес свою, видимо, дежурную фразу:

– Дай пятихатку на бутылку.

Я протянул ему купюру, он встал и сунул бумажку в карман.

– Я про все ваши проблемы все уже знаю – сорока на хвосте принесла. Ты же знаешь, что на базаре самое мощное сарафанное радио. Как же вы так вляпались? И что, даже не догадываетесь, откуда это прилетело конкретно?

– Нет, Щеп, не представляем даже. Ты сам можешь это понять: нарушений пожарной безопасности на миллион двести! Таких штрафов даже крупным компаниям не выписывают. И ликвидировать эти нарушения практически невозможно.

– Ну так это наезд! Им помещение ваше нужно.

– А что делать, Щеп?

– Надо узнать, кто эти люди. Видимо, люди серьезные, если смогли такую команду собрать для разовой акции. Узнаем – разрулим. Давай звонить брату моему Сашке – он про все, что в городе происходит, знает. Может, совет дельный даст, может, и сам впишется – ему многие в этом городе должны. Давай мобильник! А вообще-то я лучше со своего.

Он вынул из-за пазухи айфон последней модели и нажал нужные кнопки.

– Саня! Не разбудил? Ты дома? Помощь мне твоя нужна. Есть на проспекте Гагарина салон красоты, хозяйка Якимова Людмила Ивановна, на нее наезд был три дня назад, комплексная бригада, выписали штрафов на полтора миллиона. Но на самом деле кому-то это помещение просто нужно. Выясни, кому это надо! И объясни людям, если это возможно, что это наше! Не свое они хотят взять! Так и скажи!

Щеп с минуту внимательно слушал, прищурился, потом нажал кнопку «отбой» на своем аппарате.

– Ну что? – спросил я его без надежды.

– Что, что! Пусть твоя супруга идет в понедельник на работу, салон не открывает, а ждет. Они придут к ней во вторник, а может, в среду, а там посмотрим. Так, может, все же теперь пойдём, выпьем?

Я не смог отказать ему на этот раз.

Пришли в среду. Пришел заместитель начальника областного отдела МЧС, один, прошел в кабинет супруги, сел за ее стол, молча и старательно разорвал все документы по проверке, акты, штрафы, предписания. Потом положил на стол новое предписание на штраф в сумме пять тысяч рублей за курение в неположенном месте. Он долго и сердито смотрел на мою Милу, как она мне рассказывала уже дома, после чего все так же молча встал и ушел.

Что теперь надо было делать мне, я даже не понимал: конечно, я обязан был пойти к Щепе, поблагодарить его, но как? Как я должен его благодарить?

Наутро вместо работы я пошел на Средний рынок. На ящике у входа Щепы не было. Я прошел в административный корпус, дверь в кабинет моего благодетеля была открыта, но хозяина там не было. Не хватало в кабинете и реликтового купеческого кресла, на котором он сидел в последний мой заход. Оставался Артем, рубщик мяса, к которому я обращался в первый раз по рекомендации Щепы.

– Нет его и не будет, – сердито, глядя исподлобья, объявил мне Артем, – и не ищи его, если не хочешь проблем.

Когда я встречу теперь своего одноклассника в следующий раз – не знаю, а хочется.

ПОСЛЕ СЛУЖБЫ

Иван Алексеевич был человеком невоцерковленным, но православным и крещеным, да еще крещеным дважды; а так получилось, что в детстве, еще в советские времена, его тайно крестила бабка, а которая – не известно. Одна из них, баба Вера, была старообрядкой, а вторая, баба Анюта, хотя и была поповной, то есть дочерью священника, но с двадцать третьего года она еще и членом ВКП(б) была, дружила с Надеждой Крупской; ну дружила не дружила, а в переписке точно долгое время состояла. Так что папа Ивана Алексеевича как-то раз говорил ему, что он крещеный, но не уточнял, как это случилось, потому что был сам он партийным чиновником достаточно высокого градуса, а такие мероприятия там не одобрялись, мягко говоря. Вот и пришлось Ивану Алексеевичу в начале девяностых креститься сознательным образом еще раз: батюшка в храме сказал, что это разумное решение.

А невоцерковленным он был, потому что ни одной молитвы на память не помнил, и правил церковных не знал, и в храме появлялся три-четыре раза в год, не чаще: на Троицу, на Пасху да на отпевание чье-нибудь. Хотя, проезжая на своей машине по трассе и видя какой-нибудь незнакомый сельский храм, лоб он всегда крестил.

В начале девяностых возрождение православной церкви шло бурно и активно, Иван Алексеевич даже принял посильное участие в строительстве небольшой часовни на территории кладбища «Марьино Роцца», которая после освящения превратилась в храм Всех Святых.

Случилось это после страшной трагедии: десять ребят из Нижегородского СОБРа были расстреляны бандитами на площади Минутка в Грозном. Произошло это 6 марта, и Международный женский день в том году стал самым печальным женским праздником за всю историю города.

Среди погибших оказался и сосед Ивана Алексеевича по дому Сашка. Иван Алексеевич хорошо его знал – красивый парень, рослый, вежливый, отзывчивый. И маму его, Веру Александровну, он тоже хорошо знал – что-то аристократичное было в ее внешности, но и приветливое в то же время: всегда, когда встретится во дворе, остановится, поинтересуется здоровьем, пожелает удачи. Только вот после беды превратилась

она моментально в старушку, да еще и обабилась как-то, неухоженность в ней какая-то появилась. Но вот стержень внутренний, металлический, который держит всех русских женщин в трудную минуту, сохранился.

Если мемориал в память погибших ребят и был очень скоро установлен по инициативе городских властей прямо при входе на кладбище и выглядел он очень достойно, то церковки или хотя бы маленькой часовенки, где можно было бы лоб перекрестить и свечку поставить, не хватало. Вот тут Вера Александровна проявила недюжинные способности и энергию: обила она пороги и городских и областных властей, чуть ли не с шапкой обошла всех банкиров и директоров заводов, добилась разрешения у митрополита, договорилась с архитектором о проекте храма. Иван Алексеевич по мелочам помогал ей: готовил какие-то письма, договаривался с художниками. И храм Всех Святых прямо вырос из-под земли напротив мемориала. На открытии, после освящения, Иван Алексеевич презентовал в храм образ Невесты Невестной «Умиление»; выклянчил он икону ту у одного известного городского коллекционера для такого дела.

А потом и самого его включили в приходской совет храма; совет образовался мощный и работоспособный – все его члены оказались людьми деятельными и авторитетными; вопросы, касающиеся обустройства храма, и проблемы других членов создавшейся общины решались быстро и положительно. Только очень скоро перевел митрополит настоятеля храма, отца Сергия, служить в другой приход, и развалился сам по себе совет. Неправильно это тасовать священников, как колоду карт, и перебрасывать их с прихода на приход: община только-только сформируется, а батюшки уже нет! А православная церковная община – структура важная и сильная, это почти как семья, и глава этой семьи – батюшка.

Очень расстроился тогда Иван Алексеевич. Отец Сергей по привычке продолжал присылать ему поздравительные открытки на работу со Светлой Пасхой, с Рождеством, с другими праздниками. Иван Алексеевич пару раз съездил в тот храм, где теперь служил его батюшка, но что-то не срослось у него – так он и отвалился от церкви. Видимо, у каждого свой путь.

Правда, остался в памяти Ивана Алексеевича один эпизод, связанный с этой недолгой дружбой с храмом, волновавший его некоторое время, но все же почти позабытый с годами. Клирос в храме был небольшой: человек на пять или шесть. Хор церковный был подобран удачно, стройный был хор. И пела в том церковном хоре девушка лет шестнадцати-семнадцати, звали ее Таней. Интересная была девушка: рослая, стройная, с толстой русой косой, кожа белая, сама вся изнутри светится, словно молоком налита, ресницы и брови черные. Взгляд всегда опущен, и только когда она замечала Ивана Алексеевича, откровенно и широко улыбнется ему и снова глаза долу.

Пару, а может, тройку раз, уже после службы, Таня как бы случайно, ненароком оказывалась рядом с Иваном Алексеевичем; то плечом его заденет, а то рукой руки коснется.

– Что, Таня? Что-то спросить хотела?

– Нет, Иван Алексеевич, ничего, – улыбнется и отойдет.

Как-то раз на Троицу, после утренней литургии, Таня сама подошла к Ивану Алексеевичу и, чуть смущаясь, предложила:

– Иван Алексеевич, какая чудесная погода сегодня, давайте прогуляемся немного – я хочу поделиться с вами.

– Давай прогуляемся, – ответил Иван Алексеевич.

Таня смело взяла его под руку, и они пошли по главной кладбищенской аллее. Уже в тот момент, когда Таня брала его под руку, Ивана Алексеевича словно обожгло: он вдруг понял, что не все тут так просто, но было поздно. А когда они прошли метров пятьдесят, Таня остановилась, обняла Ивана Алексеевича за шею и стала его целовать страстно, взахлеб и в то же время неумело. Пахнуло на него подсыхающим свежескошенным сеном.

Иван Алексеевич от неожиданности отстранился:

– Таня, что ты?

А та неожиданно оттолкнула его со словами:

– Люблю я вас!

А еще ударила его по груди обоими кулачками, слезы ручьем, и побежала по аллее в глубину кладбища.

Прошло много лет.

Иван Алексеевич не был фанатичным и азартным охотником, который спит и видит, как бы ему поехать и пострелять во что ни попадя, но отказать себе в радости пару раз в год съездить в лес и пообщаться с природой он не мог. Обычно это случалось в конце апреля, на вальдшнепиную тягу, и в конце августа, когда утиные выводки поднимались на крыло. Был у него хороший товарищ Саша, главный врач центральной районной больницы в одном из северных районов области, который вот уже лет двадцать ждал его на такие мероприятия регулярно.

В тот год весна выдалась ранняя: черемуха зацвела в конце апреля. На первой же вечерней заре Иван Алексеевич за полчаса стрелял больше десяти раз – вальдшнеп тянул, словно с ума сошел. Вечером сидели за столом, вели беседы:

– А ты, Иван, не забыл, что завтра Пасха?

– Да, конечно, помню.

– Пойдешь с нами в храм?

– Пойду, конечно.

– А хочешь – давай съездим во Владимирское? Там служит отец Василий – интересная личность. Наши женщины из всех соседних деревень к нему очень серьезно прислушиваются, по любой мелочи советуются с ним. А он очень уж строг – увидит, что какая-нибудь на службу в домашнем идет, обязательно замечание сделает: «Ты что как в огород? В храм идти – как на праздник нарядиться надо!» Суровый он, как старообрядец, что ли.

– В смысле? А чего в нем интересного?

– В том смысле, что в советское время преподавал он в строительном институте и занимался карате – у него черный пояс был и чуть ли

не чемпионом страны он когда-то был. А потом вот ушел в священники и служить стал. Сначала он в Староярмарочном соборе служил – восстановил его и служил. Но митрополит перебросил его восстанавливать Строгановскую церковь, что на Рождественской. Восстановил он и ее. Так после этого он еще и церковь Жен-Мироносиц, что на Добролюбова, восстанавливал. После чего упал на колени перед митрополитом и взмолился: «Владыко, я служить хочу, молиться хочу, надоело мне кирпичи таскать да цемент месить – отправь меня хоть в Якутию, только чтобы служить!» Вот и направили его к нам во Владимирское – уже лет десять как!

До Владимирского двадцать пять километров, домчались за полчаса по ночной трассе. Погода стояла теплая, ни ветеринки, звезды с кулак – так они еще спустились как-то уж больно низко. Успели к концу службы, крестный ход вместе со всеми прошли, и свечи даже не затухли. Батюшка приветствовал прихожан многожды: «Христос воскресе». Народ отвечал.

Иван Алексеевич обошел храм и встал в темноте, чтобы полюбоваться на звездное небо, звезды перемигивались. Вдруг он почувствовал, что рядом с ним кто-то есть. Он пригляделся: рядом с ним стояла и улыбалась ему незнакомая женщина лет тридцати пяти. Она сделала шаг к нему навстречу и взяла за руку. Пахнуло свежескошенным сеном и летом.

– Что, Иван Алексеевич, неожиданная встреча? Не узнали?

– Да, неожиданная, Танечка! Узнал. А что ты тут делаешь? Живешь рядом?

– Да тут, во Владимирском, и живу.

Иван Алексеевич пожал ей руку и даже обнял ее за талию – и словно обожгло его, жаром весь наполнился. Он почувствовал, как податлива была и талия Тани, и ее спина. И вдруг она вся напряглась.

– Да что-то передумала я, – промолвила Таня, отстраняясь, – сначала захотелось, а потом перехотелось. Хотела вас на пасху и на кулич в дом пригласить, да только ничего у нас с вами не получится, Иван Алексеевич. Обижена по-прежнему я на вас. Тогда ведь я очень сильно болела после нашей встречи: мамка меня неделю горячим молоком отпаивала. Не простила я вас, и не смогу простить. Прощайте.

Таня развернулась и буквально растворилась в темноте апрельской ночи.

